

“ШТУЧНЫЙ ТОВАР” СЕМЬИ ДОНСКИХ

Есть в нашей стране семья, заслуживающая быть занесенной в книгу рекордов Гиннеса. Это - Донские. Единственная в мире семья, все члены которой работают в жанре вентрологии. Их трое - мать, дочь и внучка. Попробуем с их помощью проникнуть в тайны загадочного жанра.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА. ОНИ ЖЕ ИСПОЛНИТЕЛИ:

Мать - Мария Григорьевна Донская, заслуженная артистка РСФСР.

Дочь - Евгения Донская - лауреат эстрадных конкурсов.

Внучка - Маша - пока просто улыбающаяся “абитуриентка”.

- Женя, с чего началась ваша эстрадная карьера? Вентрология для вас - дань семейной традиции или самостоятельная тяга и любовь к этому виду искусства?

- Пожалуй, и то и другое. С детства я хорошо рисовала и мечтала стать художником. Училась в студии при Третьяковской галерее. Но однажды, лет в 13 решила по примеру мамы тоже “почревоветать”. Получилось к моему удивлению, и маминому тоже. И тогда она стала со мной упорно заниматься, передавать мне свое мастерство. Когда мне исполнилось 16 лет, я впервые вышла на сцену. К мысли, что надо продолжать семейную традицию и династию, пришла несколько позже.

Неожиданно в наш разговор вступила Мария Григорьевна:

- Я мечтала, чтобы дочь заняла достойное место в таком поистине оригинальном жанре, как вентрология и приложила много сил, чтобы развить обнаружившиеся у нее природные задатки. Мой дед и отец были очень известными в России артистами-чревоветателями и, видимо, это передалось нам с генами. Они никогда не расставались с говорящими куклами. Мое детство и юность прошли среди веселых и добрых “говорящих” игрушек. Они стали частью не только моей жизни. Я считала и считаю, что тот бесценный дар, которым одарила нас природа, должны осваивать и передавать по наследству все члены нашей нынешней маленькой семьи.

- Женя, ваш номер “Разговор с собакой” производит ошеломляющее впечатление не только на детей, но и на взрослых. Тем более, что партнерша ваша - собака не какая-то игрушечная, а всемирно известная, живая и судя по всему чрезвычайно смелая. Это, конечно, ваша заслуга. Очевидно, вы очень любите животных?

- Животных мы любим разных, но больше всего собак. Особенно простых, которых презрительно называют дворняжками. Между тем непростая жизнь сделала их более умными и понятливыми. Они лучше поддаются дрессировке и в них заложено чувство благодарности и признательности за добро. Мы без собак никогда не жили. Они были всегда равноправными членами нашей семьи.

Номер “Разговор с собакой” - это, как сейчас принято говорить, - валютный. С ним я объездила почти весь мир. В Париже в Олимпии работала три месяца с необычайным успехом. Сытой, богатой публике этот забав-

ный номер пришелся по вкусу. А привезли его мы ей из нашей неустроенной, голодной и недоброй страны, где многим сейчас не до “развлекалочек”. Кругом идет какая-то борьба, неустойная война. Кто-то бьется за власть, кто-то цепляется за нее зубами, старается не потерять теплые места, привилегии, боится потерять нажитую нечестным путем собственность, а кто просто выстаивает очереди за водкой, колбасой или сахаром, живя одним днем.

- Да, может быть, взрослым и не до смеха, но детям... Ведь они должны улыбаться и смеяться, пока до их сознания не дошел весь ужас нашего убогого существования, нашей вымороченной действительности.

- Для юных зрителей у нас особые номера. Надо сказать, что работать в детской аудитории гораздо тяжелее. Ребята не делают скидок ни на что. Все воспринимают всерьез и реагируют очень искренне. Работая с детьми и для детей, я поняла, что юмор должен быть добрым, светлым, а не “с кулаками”, не злым. Это годится только для взрослых, которые ждут от артистов выражения их мыслей, чувств и настроений. А детям нужна просто радость. Когда в номере присутствуют клоунада, забава, некоторая тайна и загадочность, он воспринимается ребятами “на ура”. К сожалению, для детей мало кто пишет. В основном Э.Успенский и В.Шаинский. У большинства же авторов присутствуют заискивающие нотки, подделки под “детство”. А этот “картон” обнаруживается при первом же исполнении.

- И в цирке, и на эстраде зрители обычно больше интересуются оригинальными номерами. В чем, по-вашему, секрет такого пристрастия?

- Такие номера поражают воображение своей неожиданностью. Вместе с ними зрители как бы окунаются в свое детство, а это всегда приятно вернуться в него, - говорит Мария Григорьевна.

- Я пришла к выводу, что люди в зале делают как бы на две категории. Одни просто смеются и отдыхают, решившись на какое-то время от всего, вплоть до презловутой колбасы. Другие строго и подозрительно следят, как проходит номер. К иллюзионистам они готовы залезть под рубашку, чтобы все проверить, а к нам - в горло и вообще во внутренности, чтобы “докопаться” до истины. Мне жаль этих несчастных людей. Как они боятся, чтобы их не надули еще и здесь! Они даже на концерте не отдыхают, все “исследуют”. Хотят убедиться, не зря ли деньги за билет заплатили. А впрочем, наверное, наша жизнь сделала их такими подозрительными, недоверчивыми, затравленными. Но таких, как правило, в зале бывает не так уж много. Они ведь вообще не любят тратить деньги на “ерунду”. Большинство же воспринимают наши номера как игру, как возможность хоть на несколько минут отвлечься от насущных тягот и проблем.

- Вы не раз бывали за рубежом. Как там с этим жанром? Не посещает ли вас мысль уехать в какую-нибудь благополучную страну?

- Мы с мамой побывали почти во всех странах мира, - говорит Евгения Донская. У нас в репертуаре номера на девяти языках. Больше всего там “за бугром” производят впечатление наши миниатюры “Гном”, “Щенок”, “Говорящая собака”, “Андрюшка”. Здесь в текстах нет никаких социальных мотивов и политики. Они скорее примитивны, чем сложны. Но в этом-то и

вся их привлекательная, как я понимаю, прелесть. Кстати, нас с мамой за эту “аполитичность” не раз вызывали “на ковер” и прочищали. Представители худсоветов и руководители культуры разных рангов требовали, чтобы мы воспевали советский образ жизни. Но разве до песен соловью в котлах у кошки? Из-за отсутствия в наших номерах должной пропаганды нас постоянно держали “в черном теле”. Но это так, к слову.

- Всегда было принято считать, что вентрологией занимаются преимущественно мужчины. И в России, и на Западе этот жанр был прерогативой сильного пола. А теперь вот им завладели милые женщины. Это что плоды провозглашенного в нашей стране равноправия полов?

- У нас в стране традицию нарушила моя мама - Мария Донская. А сейчас я и моя дочь Маша подхватили эстафету жанра и продолжаем осваивать и укреплять его. Тот таинственный жанр, основы которого заложили наши дед и прадед. А что касается жизни и работы где-то за рубежом, мы об этом, откровенно говоря, даже не думали. Правда, наши известные эксцентрики В.И.Е.Трояны с успехом работают сейчас в Канаде, где прекрасно устроились, хотя на первых порах им пришлось испытать немало трудностей. Более или менее сносно живут и работают в разных странах и другие артисты оригинального и других жанров. Так что, как говорится, “рыба ищет - где глубже, а человек - где лучше”. Мы же пока работаем над новыми номерами.

- А как вы их создаете? Что служит отправным пунктом? - обращаюсь к вопросу сразу к маме и дочке.

- В наших куклах мы видим равноправных партнеров. У каждой должен быть

свой характер, который выражается в жестах, мимике, интонациях... Говорить не открывая рта - великая премудрость. Главное, чтобы при этом персонажи воспринимались, как живые, чтобы они действовали. Необходимо иллюзия, и она достигается игрой и звуком. Чаще всего наши куклы мужского пола. Это - для конфликта, для интриги, а главное для контраста с нашими собственными голосами. Другой тембр усиливает правдоподобие речи другого “лица”. Таким образом играем и за себя, и “за того парня”. Большое значение имеет мгновенная реакция на ситуацию, ведь диалог исключает паузы. И при этом “чужим” голосом нужно выражать те или иные оттенки настроения. Поэтому необходимо владеть широкой голосовой палитрой, а это требует огромного труда и постоянных тренировок. Должен быть железный режим. Нельзя есть за четыре часа до концерта. Обязательно надо хорошо выспаться и отдохнуть. Ведь нагрузка на голосовые связки огромна. И еще очень важно вжиться в образ своего “героя” - собеседника. Только тогда можно считать, что номер готов и удался.

- Мария Григорьевна, ваша внучка Маша (названная, кстати, в вашу честь) сейчас с успехом дебютирует на эстраде. Вы довольны, что династия Донских продолжается?

- Я думаю, что она достойно поддерживает семейную традицию. Ей 17 лет, а она уже выступает смело и успешно. Женя в ее годы работала только со мной. А Маше ее разнообразных умений хватает на то, чтобы выступать без “поддержки” и к тому же во множестве “жанров”. Она закончила ВТМЭИ, отлично владеет степом, хорошо играет на фортепиано, прекрасно владеет английским. И вообще

она вполне современная девушка - смелая, хваткая, напористая. Не чета нам. Дай Бог, чтобы ей в жизни повезло больше, чем нам с Женей.

- Мария Григорьевна, вы прожили интересную, хотя и трудную жизнь. Ваша книга “Тайны загадочного жанра” не только открывает читателю секреты вентрологии, но и рассказывает о жизни артистов дореволюционной России, о ваших родителях - бродячих артистах, о нелегких годах, которые вы провели на фронте. И несмотря на то что вы сохранили удивительную жизнелюбность, воспитали и обучили древнему, но всегда молодому искусству дочь и внучку. Как вы, такая хрупкая и незащищенная женщина сумели все это сделать?

- Мой отец всю жизнь проработал в цирке под покровительством Дурова. Дед - в балагане. Я с молодых ногтей прикипела к цирку. Именно он научил меня выносить все: лишения, неудобства, трудности быта, разочарования, но и ценить успех, который дается огромным трудом. Мы и сейчас всем нашим “женсоветом” для поднятия настроения периодически ходим в цирк и под его “куполом” получаем заряд бодрости. Это для нас как допинг. Мы все любим там. Особенно неповторимый, пьянящий запах.

Что бы ни говорили - цирк - это настоящее трудовое искусство, в котором все без дураков. Я-то уж это знаю точно. Так что справляться с трудностями, преодолевать их, воспитывать в себе и в детях чувство локтя научил меня цирк. Я рано овдовела, рано познала тяготы одинокой женской доли. Фронт, послевоенная жизнь в нетопленной, голодной Москве вспоминаются, как кошмарный сон. Страшно, если этот сон снова возвратится наяву. А так хочется, чтобы хоть внучка увидела нормальную человеческую, а не визитно-карточную, нормированную жизнь. Я всеми силами стараюсь, чтобы наш маленький и сплоченный коллектив не опустился до уровня “массовости”. Наш жанр - товар, как говорится, “штучный”. Кстати, за границей в отличие от нас ценится искусство редкое, действительно оригинальное, а не ширпотреб, изготовленный на конвейере. Так что мы живем и работаем во имя нашего загадочного жанра, приносящего людям минуты радости и отдыха.

...Я покидала квартиру Донских с некоторым чувством сожаления. Всегда жаль расставаться с красивой сказкой. Там, в окружении старинных, столетней давности афиш, кукол всех мастей и возрастов, собаки-артистки - милушки Дианы, обожающей брызну, казалось все так спокойно, радужно и незбылемо. Напоследок я спросила - есть ли у них какое-то увлечение, хобби?

- Да, - ответили они хором, - мы любим готовить вкусные блюда.

И это действительно так, потому что пирог с вишнями, которым меня угостили гостеприимные хозяева, я до сих пор не могу забыть.

Валентина ТЕРСКАЯ